

КЛУБ ПРОСВЕЩЕННЫХ

В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ СФЕР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕВРОПЫ ПРОЧНО УЗАКОНЕНЫ. ПОДПИСАВШИСЬ ПОД БОЛОНСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ, К 2010 ГОДУ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА НЕОБРАТИМО ОКАЖУТСЯ В «ЕДИНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ». ДЛЯ ОБЫВАТЕЛЯ ЭТО БУДЕТ ОЗНАЧАТЬ СТУДЕНЧЕСКУЮ МОБИЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ ГАРАНТИРУЮТ ДИПЛОМЫ ОДИНАКОВОГО ОБРАЗЦА. ЮЛИЯ ТАРАТУТА

КЛУБНЫЕ ПРАВИЛА Болонская конвенция, открытое соглашение, к которому могут примыкать европейские страны-участницы, дружелюбно переименована в Болонский клуб. Сегодня от членов клуба — министров образования и науки — требуется лишь регулярно и по-светски встречаться на одной из европейских территорий. Впрочем, к 2010 году клубная карта потребует отчетности.

Формальная сторона Болонской конвенции сводится к унификации процедуры и оценки обучения. Всем студентам европейских государств придется перейти на двухуровневое высшее образование — четырехлетний бакалавриат и двухгодичную магистратуру. Бакалавриат задуман как общее, базовое образование. Магистратура — как специализация с высокой долей научно-исследовательской работы. Оценивать знания студента предлагается при помощи системы «кредитов» — зачетных единиц, выражающих трудоемкость процесса обучения. Студент станет получать трудобаллы, которые в зависимости от уровня подготовки начисляются лекциям и семинарам, которые он посетил. Обычные отметки в европейских дипломах тоже сохраняются, однако конвенция предусматривает не цифры, а буквы — А («отлично»), В, С («очень хорошо»), D, E («удовлетворительно»), F («неудовлетворительно») и FX (отметка, требующая повторно прослушать учебный курс).

ДАТЬ ТРАДИЦИИ С момента подписания Болонской конвенции в 2003 году в России не утихают споры о целесообразности реформ. Главным камнем преткновения стала схема «бакалавр-магистр». Цена перехода — сокращение госфинансирования вузов. Государство планирует уйти от массового специализированного обучения, сохранив магистратуру (и ее бюджетное содержание) лишь тем вузам, которые ее достойны.

В борьбе за треть вузовского бюджета ректорское сообщество во главе с главой Союза ректоров России Виктором Садовничим не раз обвиняло Минобрнауки в попытке создать «цех недоучек», прогнозируя полный крах промышленности и науки. Чиновники министерства отвечали, что страна захлебывается от обилия «высокообразованных кадров», которые в большинстве случаев так и не находят работу по специальности. «На каждого магистра-инженера должна работать команда из десятка проектировщиков-бакалавров», — считает глава ведомства Андрей Фурсенко.

На помощь вузовским администрациям пришли и представители науки. Европейская схема «уровневого» образования предусматривает лишь одну ступень, следующую за магистратурой — докторантуру, выдающую степень доктора. Она находится в промежутке между российским кандидатом и доктором наук. Президиум Российской академии наук уверен, что жертвовать российским «доктором» ради призрачного единства не стоит. Стороны при этом стараются идти на компромисс: научные степени в России, судя по всему, сохраняют, как и возможность для вузовской элиты (в основном по инженерным специальностям) продолжать непрерывное пятилетнее обучение специалистов. Российские вузы, в свою очередь,

КАК ПОЛУЧИТЬ ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Получить диплом европейского вуза стремятся многие российские студенты. Самостоятельно оплатить учебу большинству из них, как правило, не под силу, поэтому учебные программы, стипендии и гранты пользуются у россиян стабильным спросом.

Программа «Темпус» действует в России с 1994 года. Участниками могут стать не только

вузы, но и коммерческие предприятия, государственные и негосударственные организации. Программа бывает трех видов: совместные европейские проекты (JEP), структурные и дополнительные меры и индивидуальные «гранты на мобильность» (зарубежные командировки). На JEP приходится основная часть финансирования программы «Темпус». Совместные проекты длятся два-три года, а гранты присуж-



приноравливаются к европейскому стандарту, вводя бакалавриат и магистратуру в экспериментальном режиме.

Между тем не стоит думать, что Европа проходит путь к «единству» с меньшими потерями. Для начала Болонской конвенции воспротивились ведущие университеты Франции — против «усреднения и коммерциализации», которыми, по их мнению, грозит сокращение обучения до бакалавриата, например, выступают в Парижском институте политических наук. Немецкий путь во многом напоминает российский: здесь пока сосуществуют параллельные системы высшего образования — двухуровневая и непрерывная. Споры в Европе ведутся и по поводу научных степеней. Германия настаивает на сохранении собственной «габилитации», аналогичной российской докторантуре и ее степени. Зато в Литве от советского наследия в виде степени доктора уже отказались.

С введением единой системы оценивания не справляются Испания и Греция. И несмотря на то что именно англосаксонская образовательная модель во многом стала платформой европейских образовательных договоренностей, в Великобритании от своих традиций тоже отступают с трудом. Например, англичане не стремятся отказаться от «лаконичной» высшей школы — бакалавры учатся в этой стране три года, а магистры всего год.

ОХОТА НА ИНТЕЛЛЕКТ Эксперты убеждены, что общая проблема Европы, борющейся со своей же концепцией, — в веками сложившейся традиции так называемого гумбольдтовского, или исследовательского, образования. «Проблема в том, что нельзя всех сделать научными работниками — это непрактично для общества», считает координатор международного направления в Минобрнауки, ректор бизнес-школы „Сколково“ Андрей Волков. — Изменилась жизнь, концепция доставки знаний. Раньше в университетах России и Европы лекции читал исследователь, транслятор уникального знания. А сейчас знание вы-

даются так называемым консорциумам — сотрудничающим учебным заведениям. В проекте принимают участие: со стороны ЕС — французский Национальный центр обучения и подготовки детей с отклонениями в развитии, немецкий Институт Гумбольдта и Лиссабонский технический университет; с российской стороны — университеты-партнеры в Астрахани, Новосибирске, Архангельске и Санкт-Петербурге.

Программа «Эразмус мундус» была запущена в 2004 году, и на сегодня в ней приняли участие 76 студентов и 32 ученых из России. «Эразмус мундус» позволяет получить степень магистра в ряде европейских университетов. Размер гранта составляет €21 тыс. на студента и €13 тыс. на ученого в год. Особенность программы заключается в том, что обучение проходит по крайней мере в двух из как минимум трех

университетов «консорциума», принявшего заявку соискателя. В результате учащийся получает двойной или даже множественный диплом каждого вуза, где он отучился. Учеба в **Европейском учебном институте (ЕУИ)** при МГИМО позволяет приобрести к европейскому образованию в России. Бюджет института формируется на паритетных началах МИД РФ и Европейской комиссией. До 2009 года предусмот-

рено выделение €6 млн. В институте действует три вида программ: магистерские программы по праву, экономике и политике ЕС, курсы повышения квалификации, обучающие семинары и конференции. Программы ЕУИ предназначены для послевузовской подготовки госслужащих из России и стран — членов ЕС, представителей бизнеса и НПО. Отличники получают возможность поехать в одну из стран ЕС на летнюю стажировку.

России пока лишь импортирует его — в помощь российским абитуриентам работает целый набор фондов и программ, которые выдают гранты на обучение в европейских университетах, занимаясь своеобразной охотой на интеллект. «Российских студентов любят на Западе, — объясняют в Минобрнауки. — Они быстрые, сообразительные, эрудированные. Это отчасти связано с прежней системой образования. Но следует помнить, что уезжают лучшие».

В этой ситуации России остается уповать лишь на то, что россияне, обучавшиеся на Западе, решат вернуться: по сравнению с показателями 90-х «утечка мозгов» сократилась вдвое, однако во многом это связано с ужесточением миграционного законодательства в ряде европейских государств.

Продается же российское образование по-прежнему с трудом — и по причинам, не зависящим от унификации дипломов. «В России не учат по-английски, — говорит ректор Высшей экономической школы Сергей Гуриев. — А это сейчас принципиально для Европы». В рейтинге ведущих вузов мира, составленном журналом The Times Higher Education Supplement в 2006 году, флаги России заняли 93-ю и 164-ю строчки соответственно. Составитель Мартин Инс отмечает, что одной из проблем российских вузов признано небольшое число научных публикаций в авторитетных западных журналах.

Андрей Волков добавляет, что Россия не выдерживает и минимальной инфраструктурной конкуренции: «Мы долго были закрытой страной, но и сегодня достаточно посмотреть на российский и европейский кампус — начиная с отсутствия пандусов для инвалидов и заканчивая состоянием туалетов, чтобы понять, почему выбирают не нас».

Эксперты сходятся и в том, что приезду в Россию препятствуют серьезные проблемы с ее имиджем за рубежом: «Здесь небезопасно. Европейцы видят скинхедов или разгон маленькой демонстрации — это создает малоприятное впечатление о стране. Приезжий иностранец неминуемо сталкивается с проблемой регистрации, съема квартиры и другими символами „российской жизни“». «На международном факторе мы проигрываем. К нам традиционно приезжают выходцы из стран третьего мира, а студенты из Европы и Штатов редки. Пока российские вузы не могут обеспечить иностранцам социальный комфорт и безопасность», — считает и Владимир Васильев. По словам Сергея Гуриева, в Россию из Европы сегодня рискуют приезжать в основном исследователи русской культуры, причем местом паломничества европейских студентов стал Санкт-Петербург. «Приезжают, чтобы выучить русский язык, причем чаще на стажировки, — говорит Сергей Гуриев. — Надолго предпочитают не задерживаться».

Впрочем, эксперт считает, что членство в Болонском клубе может и открыть россиянам мир: «Россия очень заинтересована в притоке иностранных студентов. У нас демографическая проблема — студенты кончаются, а мест в вузах много. Значит, придется менять подходы». «Для того чтобы стать игроками, нам надо быть сильными, — напоминает и Андрей Волков. — Наша задача — съесть 10% мирового образовательного рынка. Но это мировой успех». ■